
Проснувшись однажды утром после беспокойного сна, он обнаружил, что у себя в постели превратился в Грегора Замзу.

Лежа навзничь на кровати, он глядел в потолок. Глаза не сразу привыкли к нехватке света. Потолок казался обычным, повседневным, такой найдется где угодно. Некогда его выкрасили в белый, хотя возможно — и в бледно-кремовый. Пыль и грязь копились, однако, годами, и теперь он больше напоминал цвет скисшего молока. Никакого орнамента, взгляду не попадались никакие его черты. Он ничем не противоречил, ничего не сообщал. Выполнял свою структурную функцию и не притязал ни на что большее.

В одной стене комнаты было высокое окно — слева, но штору с него сняли и через всю раму заколотили изнутри толстыми досками. Между ними оставили горизонтальную щель шириной в несколько сантиметров — намеренно или нет, оставалось неясным; лучи утреннего солнца проникали внутрь и отбрасывали на пол ряд ярких параллельных линий. Зачем окно так основательно

забаррикадировали? Чтоб никто не забрался? Или никто (вроде него) не выбрался? Или надвигается сильная буря или смерч?

По-прежнему лежа на спине, он, слегка вращая шеей и глазами, осмотрел всю остальную комнату. Никакой мебели не увидел, помимо кровати, на которой лежал сам. Ни комода, ни письменного стола, ни кресла. На стенах ни единой картины, часов или зеркала. Не было даже светильников. Да и на полу — ни ковра, ни дорожки. Лишь голое дерево. Стены оклеены обоями со сложным узором, но старыми и выцветшими, поэтому в слабом свете почти невозможно разглядеть, что это за узор.

Справа от него располагалась дверь — в стене напротив окна. Латунная ручка местами поцарапалась. Похоже, эта комната некогда служила обычной спальней. Однако теперь ее лишили всех признаков человеческой жизни. Посреди комнаты осталась только эта одинокая кровать. И на ней не было белья. Ни простыней, ни покрывала, ни подушки. Лишь голый потрепанный матрас.

Замза понятия не имел, где он и что ему следует делать. С трудом осознал лишь одно — теперь он человек по имени Грегор Замза. А это он откуда знает? Быть может, кто-то ему нашептал об этом на ухо, пока он спал?

Но кем же он был, прежде чем стать Грегором Замзой? Чем он был?

Впрочем, стоило ему задуматься над этим вопросом, как сознание потускнело, а в голове за-

роилось нечто вроде черного столба мошкары. Столб становился все толще и гуще, подкрадываясь к участку его мозга помягче, непрестанно жужжа. Замза бросил эту затею. Глубокие мысли оказались для него в ту минуту непосильным бременем.

Так или иначе, теперь ему предстояло научиться двигаться. Нельзя же вечно лежать, пялясь в потолок. В такой позе он слишком беззащитен. Нападут на него враги — да хоть те же хищные птицы — и шансов выжить никаких. Для начала он решил пошевелить пальцами. Их было десять — длинных, приделанных к концам рук. Каждый оборудован сколькими-то суставами, и управлять ими оказалось совсем непросто. К тому же все тело его онемело, словно его погрузили в липкую плотную жидкость, поэтому передать усилие конечностям тоже оказалось трудно.

Тем не менее, закрыв глаза и сосредоточившись, после нескольких неудачных попыток он вскоре смог свободно шевелить пальцами. Пусть не сразу, но разобрался, как действовать ими вместе. Когда заработали кончики пальцев, онемелость, окутавшая все его тело, отступила. На смену ей, как темный и зловещий риф, оголенный отливом, пришла мучительная боль.

Не сразу Замза осознал, что боль эта — голод. Такое ненасытное желание пищи было ему внове — или же он, по крайней мере, не помнил, что нечто подобное переживал. Он как будто ничего не ел целую неделю. Словно вся сердцевина его тела обратилась в полую пещеру. Поскрипывали кости, сжи-

мались мышцы, тут и там судорожно подергивались внутренние органы.

Не в силах больше терпеть эту боль, Замза оперся локтями на матрас и мало-помалу приподнялся. При этом несколько раз глухо и ужасающе треснул позвоночник. Вот так так, подумал Замза, сколько ж я здесь эдак пролежал? Каждая частица его тела громко протестовала против любой попытки подняться и вообще хоть как-то сменить позу. Но он, собрав воедино все свои силы, тянулся, преодолевая боль, пока ему наконец не удалось сесть.

Замза смятенно оглядел свое нагое тело, а что не было видно — ощупал руками. Какое же оно неуклюжее! К тому же полностью беззащитное. Гладкая белая кожа (покрытая неубедительным количеством волос), сквозь нее видны хрупкие синеватые кровеносные сосуды; мягкий незащищенный живот; нелепые гениталии невозможной формы; тощие и длинные руки и ноги (всего по две штуки!); тощая ломкая шея; громадная уродливая голова с пучаницей жестких волос на макушке; два абсурдных уха, торчащие по бокам, как пара морских ракушек. И вот это вот — действительно он? Способно ли такое несообразное тело, которое так легко уничтожить (никакого защитного панциря, никакого наступательного вооружения), выжить в этом мире? Почему он не превратился в рыбу? Или в подсолнух? В рыбе или подсолнухе есть смысл. Больше смысла, во всяком случае, чем в этом человеке по имени Грегор Замза. Иначе на это никак не посмотреть.

И все же, собравшись с духом, он спустил ноги за край кровати, пока подошвы его не коснулись пола. От внезапного холода голого дерева он ахнул. Первые болезненные попытки подняться закончились неудачей, но затем, несколько раз ушибившись, он изловчился встать на ноги. Замза стоял, весь больной и измученный, одной рукой вцепившись в раму кровати. Однако очень быстро голова его необычайно потяжелела, и поддерживать ее стало трудно. Под мышками вспотело, а гениталии съжились от напряжения. Он несколько раз глубоко вздохнул, нужно было расслабить скованное тело.

Раз он привык стоять, теперь следовало научиться ходить. На двух ногах перемещаться было пыткой — каждое движение вызывало боль. С какой стороны ни посмотри, а двигать правой и левой ногами, одной за другой, занятием было причудливым — это попирало все законы природы, а от опасного расстояния между глазами и полом он весь в страхе сжимался. Пытался понять, как связаны движения бедер и коленных суставов — на первых порах координировать эти движения было очень сложно. При всяком его шаге вперед колени тряслись от боязни упасть, и ему приходилось обеими руками держаться за стену.

Но он знал, что навеки остаться в этой комнате не сможет. Если не найдет нужной пищи — и быстро притом, — его изголодавшийся живот пожрет его собственную плоть, уничтожит ее.

Он доковылял до двери, все время цепляясь за стену. Казалось, путешествие это заняло много часов, хотя он не знал, чем и как измерять время. Но как бы то ни было — очень долго. Об этом ему ни на миг не давала забыть вся эта боль. Движения его были неловки, шаг — неуверенным. Ему постоянно требовалась опора. Со стороны, хоть и с большой натяжкой, его могли бы принять за инвалида. Однако, несмотря на неудобства, с каждым новым шагом он все лучше понимал, как работают его суставы и мышцы.

Он схватился за дверную ручку и потянул. Дверь не поддавалась. Толкнул — то же самое. Затем он повернул ручку вправо и потянул. Дверь с легким скрипом приоткрылась. Она оказалась не заперта. Замза высунул голову в щель и выглянул. В коридоре никого. Там было тихо, как на дне океана. Он просунул в щель левую ногу, подался телом вперед, не отрывая одной руки от косяка, и подтянул следом правую ногу. Потихоньку заковылял босиком по коридору, держась руками за стены.

В коридор выходило четыре двери, считая и ту, которую он только что открыл. Все похоже друг на друга, из того же темного дерева. Что — или кто — есть за ними? Ему хотелось их открыть и выяснить это. Быть может, тогда он хоть как-то начнет понимать непостижимые обстоятельства, в которых оказался. Или хотя бы сможет отыскать какую-то нить к их разгадке. Тем не менее мимо каждой он проходил, стараясь как можно меньше шуметь. Его любопытство превозмо-

гала нужда чем-то набить желудок. Ему следовало как можно скорее заполнить чем-то существенным зловещую полость, что разверзлась в его теле.

И он теперь знал, где отыскать это существенное.

Просто иди на запах, подумал он, приняхиваясь. Пахло приготовленной едой — крохотные частички этого аромата неслись к нему по воздуху и неистово врезались в слизистую оболочку носа, что мгновенно передавалось мозгу, — и от них вспыхнуло такое яркое предвкушение, такая яростная тяга, что желудок скрутило, словно его пытал опытный инквизитор. Рот затопило слюной.

Чтобы достигнуть источника запаха, однако, ему придется спуститься по лестнице. Ему и по ровному-то полу было трудно перемещаться. А преодолеть эти семнадцать ступенек — совсем кошмар. Обеими руками Замза схватился за перила и приступил к спуску. Худые лодыжки готовы были подломиться под его тяжестью, и он несколько раз чуть было не покатился кубарем вниз. А когда всякий раз изгибал тело, чтобы не упасть, все кости и мышцы у него стонали от боли.

О чем же думал Замза, с таким трудом спускаясь по лестнице? Главным образом — о рыбе и подсолнухах. Превратись я в рыбу или подсолнух, думал он, жил бы себе спокойно, а не мучился вот так вот на ступеньках. Какое отношение ко мне имеет подобное беспредельно опасное занятие, да еще и в таком неестественном виде? Полная бессмыслица.

Достигши нижней, семнадцатой ступеньки, Замза выпрямился, призвал на подмогу все оставшиеся силы и поковылял на манящий запах. Он пересек вестибюль с высоким потолком и шагнул в раскрытые двери столовой. На большом овальном столе была разложена еда. Стояли пять стульев, но вокруг — ни души. От блюд подымались белые пряди пара. Центр стола занимала стеклянная ваза с дюжиной лилий. У четырех мест лежали белые салфетки и приборы — нетронутые, судя по виду. Казалось, люди сели завтракать, но некое внезапное и непредвиденное событие заставило их встать из-за стола. Они поднялись и куда-то исчезли — и произошло это буквально только что. Что случилось? Куда они делись? Или их забрали? Вернутся ли они доедать завтрак?

Но у Замзы не было времени обо всем этом рассуждать. Рухнув на ближайший стул, он голыми руками стал хватать любую еду, до какой мог дотянуться, и запихивать себе в рот, не обращая внимания на ножи, ложки, вилки и салфетки. Хлеб он рвал на куски и пожирал его без конфитюра или масла, целиком заглатывал толстые сардельки, поглощал крутые яйца с такой скоростью, что едва не забывал их чистить, загребал горсти еще теплого картофельного пюре и пальцами подцеплял маринованные огурчики. Все это он жевал вместе, а остатки запивал водой из кувшина. Вкус не имел значения. Пресный или пряный, острый или кислый — ему все было едино. Главное — заполнить

полость у него внутри. Ел он самозабвенно, словно бы на скорость. Так увлекся он едой, что в какой-то миг, облизывая пальцы, по ошибке впился в них зубами. Повсюду разлетались объедки, а когда на пол упало и вдребезги разбилось большое блюдо, он не обратил на это совершенно никакого внимания.

Обеденный стол теперь выглядел ужасно. Как будто в открытое окно налетела стая сварливых ворон, наелась до отвала и унеслась прочь. Когда сам Замза насытился и откинулся на спинку стула, переводя дыхание, на столе почти ничего не осталось. Нетронутой стояла лишь ваза с лилиями; будь там меньше еды, он бы сожрал и их. Вот до чего он проголодался.

Долгое время он сидел рассеянно, витая в облаках. Опустив руки на стол и еле дыша, он пялился сквозь опущенные ресницы на лилии. Насыщение подступало медленно, словно приливная волна. Он ощущал, как его полость постепенно наполняется, вытесняя пустоту.

Он взял металлический кофейник и налил кофе в белую керамическую чашку. Пикантный аромат что-то напоминал ему. Но сразу он не вспомнил; память возвращалась толчками, смутные воспоминания постепенно сменялись более четкими. Странное то было чувство — как будто он из будущего припоминал настоящее. Словно бы время как-то расколосось надвое, и память и опыт теперь вращались замкнутым кругом, одно следом за дру-